

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

М.М. Соколов, Т.Ю. Бочаров, К.С. Губа, М.А. Сафонова

**ПРОЕКТ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ТОЧКИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОСТА В ЛОКАЛЬНОМ
АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ:
ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОСЛЕ 1985 ГОДА»**

Статья представляет историко-социологический исследовательский проект, на примере локального профессионального сообщества реконструирующий интеллектуальные и институциональные трансформации, пережитые российскими социальными науками за последние 25 лет. Основной новизной проекта по сравнению со сходными по тематике исследованиями в социологии науки является применение в нем холистической стратегии «исследования локального сообщества» (community study) и количественных методов, используемых социальной историей. Собранные данные о 622 индивидах, идентифицированных нами как «петербургские социологи», включали в себя сведения об их карьерной траектории, публикационной активности, цитатном поведении, социальных сетях, политических установках, источниках дохода, профессиональных авторитетах и пространствах внимания.

Ключевые слова: социология социальных наук, социальная история науки, история советской социологии, история российской социологии, исследование локального сообщества, клиометрика, наука в Санкт-Петербурге.

Keywords: sociology of the social sciences, social history of science, history of Soviet sociology, history of Russian sociology, community studies, social science history, science in St.Petersburg.

Исследование, первые результаты которого представлены в следующих статьях, посвящалось социальной трансформации ленинградской — петербургской социологии между 1985 и 2009 гг. Оно преследо-

вало две основные цели — историческую и аналитическую. Российская социология последнего десятилетия одержима изучением своего прошлого — состояние, которое нетрудно объяснить напряженным поиском академическим сообществом новой коллективной идентичности*. Несмотря на это (или благодаря этому?) история социологии, которую пишут социологи, часто оказывается удивительно несоциологичной**. Она сфокусирована на героических фигурах и драматических эпизодах, пренебрегая рядовыми участникам событий и прозаическими деталями. Заинтересованный читатель может найти десятки опубликованных интервью и документов, рассказывающих о мельчайших подробностях «разгона ИКСИ» 1972 г. (Батыгин 1999; Москвичев 2001; Фирсов 2001; Shlapentokh 1987) — но не обнаружит ни одного, в котором назывались бы размеры зарплат в институте с учетом хоздоговорных работ, и только отрывочные данные о том, как был организован нормальный порядок бюрократического согласования тем исследовательских проектов. Та-

* Библиография уже вышедших работ по истории российской/советской социологии рискует оказаться слишком длинной, чтобы уложиться в пределы журнальной статьи. Если привести только самые важные образчики каждого жанра: наличествуют (1) публикации исторических документов (Батыгин 1999; Москвичев 1997; 2001); (2) циклы интервью, в особенности — циклы интервью, взятых Геннадием Батыгиным, Борисом Докторовым и Владимиром Козловским, собраны на сайте Международной биографической инициативы Дмитрия Шалина: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>, см. тж. (Ленинградская... 1998); (3) мемуары и биографические или автобиографические сборники (напр., Заславская 2007; «Vivat, Ядов!» 2009); (4) сборники и монографии, посвященные всей истории дисциплины в целом или отдельным ее сторонам (Социология в России 1998; Фирсов 2001; Zemtsov 1985; Shlapentokh 1987). Кажется, ни одна другая дисциплина в современной России не обладает столь же богатой мемориальной традицией. В этом отношении российская социология также безусловно превосходит, например, американскую.

** Как частный индикатор этого отметим редкое использование собственно социологических методов анализа данных по истории российской социологии. Существует несколько примеров применения статистического аппарата при описании характеристик советских социологов (в основном опубликованные западными авторами — Greenfeld 1988; Weinberg 2004), науковедческие исследования социологических журналов (Райкова 1991), а также ряд интересных методологических экспериментов, произведенных «школой Батыгина» (Батыгин, Козлова, Свицерски 2005), которые, однако, из-за смерти лидера группы так никогда и не превратились в важные субстантивные результаты. Публикации результатов опросов на социологических конгрессах и других представительных собраниях никогда не выходили за пределы одномерных распределений (напр., Материалы... 2008).

кие детали легче всего стираются из коллективной памяти дисциплины, и с хорошими на то причинами: без них она функционирует гораздо эффективнее как источник мифов, легитимирующих нынешний порядок вещей или призывающих к его изменениям.

Как любая история, история науки имеет оттенок политики, обращенной в прошлое. Прошлое вспоминается с позиций сегодняшнего дня и рассказывается для того, чтобы преподнести современникам какой-то урок: «Россия обладает собственной аутентичной социологической традицией, не уступающей западной, и все наши беды от ее забвения» или «социологическая наука всегда страдала от авторитарных наклонностей российского государства, и нам надо искать признание наших заслуг (и финансирование) там, куда не распространяется его пагубное влияние». Вряд ли кто-то — мы в том числе — может рассчитывать на то, что напишет историю, которой невозможно будет предъявить аналогичное обвинение. Мы предполагаем, однако, что история, построенная на систематическом поиске и анализе источников, оставляет гораздо меньше пространства для вольного или невольного авторского произвола. Экспликация процедур, использованных в этом поиске и анализе, дает читателю больше шансов понять, к каким выводам его или ее подталкивает автор — и решить, желает ли он/а туда проследовать. Наконец, большее внимание к рутинным, прозаическим и не всегда презентабельным сторонам академической жизни — поиску финансирования, конкуренции за символы признания, алгоритмам получения информации, межличностным отношениям, распределению власти в профессиональном сообществе — должно позволить создать более сбалансированную (чтобы избежать громкого «тотальную») версию истории науки. Наш проект представляет собой попытку написать историю социологии в Ленинграде-Петербурге не как историю личностей, а как историю институтов и практик, историю, главным героем которой было бы сообщество в целом, со всеми его разнородными и конфликтующими составляющими, историю, которую не видел целиком ни один из ее непосредственных участников.

Если первая цель проекта — рассказать «все, как оно было», то вторая — использовать детальное знание случая одного локального академического сообщества, чтобы сделать некоторые предположения об общем течении процессов, сопровождавших превращение советской науки в постсоветскую. Это сообщество должно служить «иконической метафорой» (Brown 1977) для дисциплины (и, шире, для постсоветской науки) в целом. Подобная стратегия может вызвать обоснованную критику, и, действительно, рассматривать единичное как уменьшенное подобие всеобщего — значит ступать на тонкий лед. С другой стороны,

эмпирическая наука в еще большей степени, чем политика, представляет собой искусство возможного, компромисс между ограниченностью ресурсов и безграничностью любопытства. В социологии науки этот компромисс принимал обычно одну из двух форм. Одна традиция (или, вернее, традиции) предпочитали макроуровень и описание «науки в целом», что приводило их к изучению формальных институтов, существующих в пределах национального государства, дискурса отдельных ключевых текстов или основных периодических изданий, показателей цитирования или изучению характеристики и аттитудов представительных общенациональных выборок ученых*. Исследования такого рода решали проблему репрезентативности, но вынужденно опирались на какой-то один метод, результаты которого характеризовали лишь отдельные стороны работы академического мира.

Вторая традиция, начатая этнографами лаборатории, избрала обратную стратегию: охватывался небольшой научный коллектив, который, однако, мог быть изучен во всех деталях — от анализа разговоров во время экспериментов до публикационной и цитатной истории**. Проблемы этого подхода были негативом проблем предыдущего: выигрывая в глубине, он проигрывал в широте охвата. Действительно, уверены ли мы, что случившееся в этой лаборатории может сказать нам что-то об академическом сообществе в целом?*** Подходы нетрудно было примирить, обратившись к историческому периоду, когда ученых в любой европейской стране было немногим больше, чем в крупной современной лаборатории****. Чем позже, однако, тем меньше было возможностей комбинировать обе стратегии.

* Бессмысленно пытаться перечислить все относящиеся сюда тексты. Вот пример нескольких foundational works (Hagstrom 1965; Ben-David 1971; Merton 1973; Gross 1990). Здесь полностью опущены работы по традиционной истории научных идей.

** Кроме неизбежной здесь ссылки на Латура и Вулгара (Latour, Woolgar 1979) надо упомянуть (Lynch 1982; Goodwin 1997).

*** Большинство этнографов лаборатории интересовалось, впрочем, не столько «академическим сообществом», сколько чем-то еще более масштабным — «научным знанием» в целом. Как ученым типа Линча удастся совмещать декларации о локальной укорененности всякой практики с верой в способность расшифровок нескольких разговоров двух-трех ученых в отдельной лаборатории дискредитировать модернистские претензии науки в целом, навсегда останется загадкой (Lynch 1995).

**** Классические тексты (Grosset. al. 2000; Shapin, Schaffer 1985). Разумеется, причины обращения к этому периоду были разнообразны и включали дюркгеймовское стремление обнаружить в прошлом «элементарные формы науки» в ее самых чистых проявлениях.

Применительно к советской/российской социологии оба подхода были чреваты осложнениями в силу ее крайней фрагментированности. Любое исследование части дисциплины (например, обследование сотрудников одного института, читателей и авторов одного журнала, участников одного публичного события) делает проекцию его результатов на дисциплину в целом спорным предприятием. В то же время любое исследование, опирающееся на какой-то один способ сбора информации, также сталкивается с тем, что исследователь может охватить только некоторые из сегментов сообщества. Индексы цитирования включают только часть изданий — и не позволяют сказать что-то об ученых, публикующихся в других журналах (или печатающихся только в сборниках), официальная статистика науки вовсе не охватывает ту часть социологии, которая активно включена в грантовую экономику и не имеет почти никакой связи с государственными институтами, этнографическое наблюдение и методы снежного кома ограничивают исследователя пределами одной из академических субкультур, часто сосуществующих в одном городе, не соприкасаясь друг с другом, наконец, любое количественное выборочное исследование сталкивается с неопределенностью границ генеральной совокупности.

Замысел данного исследования заключается в том, чтобы преодолеть эти затруднения, изучив в деталях локальное академическое сообщество, достаточно большое для того, чтобы в нем было представлены основные стили работы и типы карьер, существующие в постсоветских социальных науках, но при этом достаточно малочисленное для того, чтобы можно было собрать достаточную информацию о разных сторонах академической биографии большей части его членов и о связях между ними. Делая этот выбор, мы опирались на долгую традицию в социальных науках.

Теоретические истоки

Вернее было бы сказать, что источниками вдохновения для нас были несколько традиций: (а) *community studies*, использующие холистический анализ сообщества для более глубокого понимания каждой из сторон его жизни (классические работы — (Lynd R., Lynd H. 1929; Warner 1963; Gans 1967 и др.), а также чикагская этнография профессий (Becker 1982; Whyte 1993 (1943); Polsky 1967; Abbott, 2001a); (б) историческая социология, обращающаяся к статистическим массивам для анализа политической, экономической и социальной структуры сообщества (напр., Padgett, Ansell 1993; McLean, Padgett 1997; Padgett, McLean 2006); (в) социология социальных наук, изучающая связи между институциональной структурой, политической и экономической организацией, «когни-

тивным стилем» дисциплины и интеллектуальной продуктивностью ученых (Abbott 2001b; Becher 2001; Каради 2004; Коллинз 2002; Lamont 1987; Merton 1973; Mullins 1977; Whitley 1985).

Черпая из всех этих традиций, проект, однако, не принадлежит полностью ни к одной из них. Несколько слов об отношении нашей стратегии к типичным для социологии науки уже было сказано выше. Ближе всего к замыслу данной работы находятся классические тексты по истории американской медицины Старра (Starr 1982) и исследования школы Бурдьё по этнографии французского академического мира (Bourdieu 1988; Бурдьё 2002), в которых, однако, вопрос выбора объекта решался совершенно иначе. Исследования в жанре *community studies* или масштабные проекты в социологии профессий до сих пор не затрагивали академические сообщества; количественная историческая социология до самого недавнего времени концентрировалась на политических и экономических структурах (но: см. Adams, Clemens, Orloff 2003).

Методы

Исследование опиралось на сочетание исторических, наукометрических и социологических подходов. Мы провели:

1) *Анализ документарных источников* — CV, материалов справочников «Кто есть кто», изданных СПАС и Обществом М.М. Ковалевского (Социологи Петербурга... 2003; Преподаватели социологии... 2001, новая редакция справочника, созданная по результатам исследования, готовится к публикации), персональных страниц на сайтах институтов и факультетов, программ конференций и семинаров, архивов РАН и СПбГУ и справочных изданий организаций.

2) *Опрос*, предназначенный для того, чтобы пополнить недостающую информацию об академических карьерах, собрать данные об интеллектуальных ориентациях, социальных сетях, источниках доходов, «пространствах внимания», системе авторитетов (респонденты были распределены по всем зонам профессионального пространства, был опрошен 251 человек). Вопросник состоял из двух частей — (а) индивидуальной, необходимой, чтобы восполнить пробелы в собранной документарной информации, и (б) общей, с помощью которой были получены сведения о сторонах биографии и предпочтениях респондентов, не реконструируемых на основании исторических данных.

3) *Неформализованные интервью* с информантами, репрезентирующими типичные образцы карьер в разных сегментах сообщества. Было собрано 33 интервью, длившихся от 30 минут до 8,5 часов;

4) *Наукометрический анализ*. Был произведен сплошной анализ цитирований в статьях петербургских авторов в городской периодике

(ЖССА, «Телескоп», «Вестник СПбГУ») и двух общенациональных журналах с самыми большими тиражами — «Социологические исследования» и «Социологический журнал». Отдельно производился анализ цитирования петербургских авторов в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) и зарубежных индексах (SSCI).

5) *Выборочный анализ публикаций и этнологический анализ поведения в ситуациях академического взаимодействия* — часть проекта, которая продолжается и в настоящее время.

Как увидит дальше читатель, мы стремились, насколько это было возможно, триангулировать результаты с помощью разных методов, прежде всего, опросные — с помощью документарных и библиометрических.

Выборка

Согласно замыслу проекта, в выборку должны были попасть все, кто так или иначе являлся частью профессионального сообщества петербургских социологов в 1985—2009 гг. Очевидно, что это требование проблематично: нет никакого ясного и общепризнанного критерия по поводу того, кого можно считать социологом. Является ли социологом университетский преподаватель, читающий «Общую социологию» наравне с еще дюжиной дисциплин гуманитарного цикла? Специалист по маркетинговым исследованиям? Журналист, склонный к теоретическим обобщениям? Пьер Бурдьё (1988) пишет о непрерывной борьбе за определение границ поля, в которой любая однозначная дефиниция представляет собой средство исключения, используемое в своих интересах одной из конкурирующих групп. В России вместо ожесточенной борьбы мы находим полную индифферентность. Борьба ведется за центральные, не за периферийные позиции, и никто особенно не заботится о том, чтобы построить заборы, отгородившись от других дисциплин (философии, экономики, истории...) и профессий (маркетинг, связи с общественностью...). Те, кто оказался на спорной территории, вольны определять себя как социологи, если им это нравится. Признавать их таковыми, или не признавать, остается целиком и полностью на усмотрение не-социологов, с которыми те в данный момент взаимодействуют. Дисциплинарное сообщество никак не вмешивается в решение этого вопроса. У российской социологии есть однозначно определенные центры, но нет четко очерченных границ.

Как тогда решить, кого именно надо изучать? Мы предполагали использовать самые широкие возможные определения, чтобы охватить всех, кто по тому или иному критерию *мог бы* считаться социологом. В исходную выборку поэтому были включены все, кто:

(а) был на протяжении охваченного исследованием периода сотрудником хотя бы одной из примерно 20 городских организаций или подразделений организаций, в названии которых присутствовала «социология» (вузов, кафедр, институтов, фирм);

(б) публиковался в одном из городских или общенациональных профессиональных периодических изданий («Журнал социологии и социальной антропологии», «Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», «Вестник СПбГУ. Серия “Социология”», «Социологические исследования», «Социологический журнал») или в любом иноязычном издании, индексируемом в Web of Science в качестве социологического, и кто указал Ленинград/Петербург в качестве почтового адреса.

(в) состоял в одной из локальных профессиональных ассоциаций (Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов, Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского) с 1985 г.;

(г) принял участие в одном из примерно дюжины крупнейших городских и национальных социологических мероприятий (все три все-российских социологических конгресса, Сорокинские, Ковалевские и Голофастовские чтения, периодические мероприятия Европейского университета и ЦНСИ и т. д.).

Мы составили общий список, который, после устранения всех совпадений, включал 1280 индивидов. Эти индивиды драматически различались по тому, с какой частотой они попадали в разные списки. Чаще всего встречающиеся имена появлялись по 15–18 раз, но большая часть (точнее, 658) были зафиксированы лишь однажды. Чтобы ограничить работу обозримым объемом, мы исключили этих людей, оставив только тех, кто имел хотя бы два появления. Таких оказалось 622 — даже меньше, чем мы ожидали (предварительная оценка была порядка 750–800 случаев). Именно эти шестьсот с небольшим человек, с точки зрения нашего исследования, и представляют собой петербургскую социологию.

Общие рамки: концепция «естественных зон»

Проект не опирался ни на какую исходную теоретическую модель или список гипотез; те построения, которые читатель найдет ниже, вполне сознательно атеоретичны (спорным случаем может служить разве что статья Тимура Бочарова, который, однако, как закаленный этно-методолог уверен в том, что работы Гарфинкеля не содержат никакой теории — остальные авторы испытывают определенные сомнения по этому поводу). Отсутствие эксплицитных теоретических оснований, разумеется, не отменяет их имплицитного присутствия. Любители искать

таковые могут найти их ниже в любом удобном им количестве. Мы не сомневаемся в их наличии, мы не уверены только в том, что их озвучивание, сделав текст длиннее, сделало бы сами результаты лучше. Положение, при котором каждый, кто пишет эмпирическую статью по социологии, обязан снабдить ее (обычно фиктивной) теоретической родословной, напрямую возводя свою интеллектуальную генеалогию к Веберу или Дюркгейму, сродни положению, при котором художник, отдающий картины на выставку, должен сопроводить их искусствоведческим трактатом, прослеживающим эволюцию использованных им приемов со времен Джотто, а заодно озвучивающим его собственные взгляды на философию искусства. История живописи знает эпохи, тяготевшие к чему-то подобному, но не ставит их выше прочих.

Не располагая исходной теоретической моделью, мы ориентировались, однако, на общие метафоры. Источником этих метафор была, прежде всего, Первая Чикагская школа. Многие теории в воспоминаниях своих создателей начинаются с тривиального наблюдения, которое, сделанное в тысячу первый раз, внезапно поражает ум наблюдателя своим вселенским значением. Падение яблока и ежедневное появление на крыльце профессора Дюркгейма бутылки молока, оставляемой неизвестным ему молочником с неотвратимостью восхода солнца, представляют собой самый известный физический и социологический анекдоты такого рода. Существование «естественных зон» в городском пространстве было аналогичной отправной точкой для Чикагской школы социологии (Wirth 1928; 1945; Zorbaugh 1929). На карте Чикаго предстает перед нами однообразной решеткой из пересекающихся под прямым углом улиц. Оказавшись на самих этих улицах, мы будем, однако, поражены их несходством друг с другом. Их населяют обладатели разных цветов кожи, говорящие на разных языках, справляющие разные религиозные и светские праздники, питающиеся разной пищей и имеющие отличающиеся на порядок шансы дожить до 70 лет или стать героем криминальной хроники. Наравне с искусственным, рациональным порядком генерального плана города существует спонтанный, естественный порядок распределения категорий населения и разных видов активности. Этот последний никем не создавался намеренно, напротив, его существование часто вызывает всеобщее осуждение. Немногие сегодня согласятся назвать себя сторонниками расовой сегрегации, и, наверное, совсем никто не будет защищать существование зон, максимально благоприятных для уличной преступности. Гетто и «плохие кварталы», однако, продолжают существовать, как бы с ними ни желали покончить. Они возникают из отношений притяжения и отталкивания, существующих между группами и типами деятельности, которые имеют разные ресурсы для того, что

воплощать свои желания в жизнь. «Плохие районы» создаются хорошими гражданами, имеющими деньги и согласными их платить за то, чтобы жить в окружении других таких же законопослушных и обеспеченных граждан на улицах, оснащенных видеокамерами и круглые сутки охраняемых усиленными нарядами. Естественным, хотя и не запланированным следствием притяжения всех этих вещей друг к другу является концентрация в пространстве их противоположностей — людей, у которых нет денег на переезд, видеокамеры и оплату сверхурочной работы полиции, и преступников, для которых всем этим созданы наиболее благоприятные условия работы.

Не задавая жестких теоретических рамок, эта перспектива диктует хорошо знакомые черты Чикагского стиля — увлечение картографией, предпочтение экологических объяснительных моделей, позволяющих соединить пространственные визуализации с демографическими каузальными механизмами, наконец, вкус к иронии, проявляющейся в прослеживании всевозможных «ненамеренных последствий» индивидуальных и коллективных выборов. Следуя в том же направлении, мы ставили своей первой задачей создание карты, способной продемонстрировать, как разные виды личных атрибутов, практик и взаимоотношений притягиваются или отталкиваются. Существует несколько подходов к решению этой картографической задачи. Примером самого известного из них являются работы П. Бурдые, использовавшего анализ корреспонденций. Аналогичный подход был реализован также в статье, соавтором которой был один из авторов данной статьи (Погорелов, Соколов 2005). В ходе данного исследования мы повторили проведенный тогда эксперимент, получив факторную структуру*, которая практически точно повторяла обнаруженную шесть лет назад (рис. 1).

Два получившихся фактора можно интерпретировать следующим образом. Первый противопоставляет ориентации (идеологические и практические) на «национальные» или «интернациональные» издания, авторов, источники финансирования и стили работы. Второй нагружен знакомством с достижениями советской социологии и использованием традиционных российских каналов профессиональной коммуникации. Самую отрицательную нагрузку по нему имеет возраст, который, как показал более детальный анализ, действительно сильно коррелирует позитивно со всеми вышеперечисленными показателями.

* Использовался метод основных компонент с Варимакс-ротациями. Все переменные были приведены к бинарному виду. Двумерное решение объясняло 27,2 % вариации, на первое измерение после вращения приходилось 17,1 %, на второе — 10,1 %.

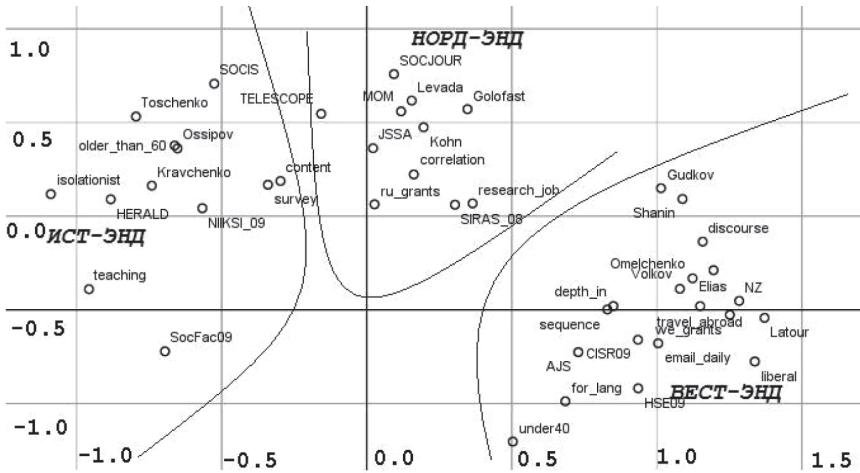

Рис. 1. Атрибуты петербургских социологов: результаты факторизации*

* Переменные, отраженные на рисунке, характеризуют (1) *аффилиации* — SocFac09 — сотрудник факультета социологии СПбГУ в 2009 г., NIKSI_09 — НИИ комплексных социальных исследований, SIRAS_08 — Социологического института РАН, HSE09 — СПб филиала ГУ-ВШЭ, CISR09 — Центра независимых социологических исследований; (2) *возрастные параметры выборки* — Under40 и older_than_60; (3) *источники финансирования* — teaching — источником половины и более личных доходов, согласно ответам на вопросы анкеты, является преподавание, ru_grants — гранты российских фондов, we_grants — гранты и/или стипендии западных фондов и институций, research_job — часть доходов от позиции штатного исследователя; (4) *читаемые регулярно издания* — HERALD — «Вестник СПбГУ», TELESCOPE — «Телескоп. Наблюдения за профессиональной жизнью петербуржцев», SOCIS — «Социологические исследования», SOCJOUR — «Социологический журнал», JSSA — «Журнал социологии и социальной антропологии», MOM — «Мониторинг общественного мнения», NZ — «Неприкосновенный запас», AJS — «The American Journal of Sociology»; (5) *читаемых авторов* — Ossipov — Г.В. Осипов, Toschenko — Ж.Т. Тощенко, Kravchenko — А.И. Кравченко, Levada — Ю.А. Левада, Kohn — И.С. Кон, Golofast — В.Б. Голофаст, Gudkov — Л.Д. Гудков, Shanin — Т. Шанин, Omelchenko — Е.Л. Омельченко, Volkov — В.В. Волков, Latour — Б. Латур, Elias — Н. Элиас; (6) *используемые методы исследования* — content — контент-анализ, survey — анкетные опросы, correlation — корреляционный анализ, discourse — дискурс-анализ, depth_in — глубинные интервью, sequence — секвенционный анализ; (7) *идеологические воззрения* — liberal — высокие баллы по шкале Либерализма-Консерватизма (см. описание в статье М. Соколова в данном номере журнала), isolationist — высокие баллы по шкале Научного Изоляционизма-Ассимиляционизма (там же); (8) *иные атрибуты и черты академической жизни* — свободное владение иностранными языками (for_lang), ежедневная проверка электронной почты (email_daily) и опыт академических визитов за границу (travel_abroad).

Размещение переменных в пространстве, заданном этими факторами, визуально разбивает их на три отчетливо выделяющиеся группы, в центре каждой из которых находятся известные организации — СПб филиал ГУ-ВШЭ и ЦНСИ в правой части рисунка (там же должен был находиться факультет политических наук и социологии ЕУСПб, который, однако, не был включен из-за небольшого числа опрошенных), СИРАН — в центральной и НИИКСИ в правой (там также должны были оказаться прочие кафедры и факультеты, за исключением занимающего несколько обособленное положение факультета социологии СПбГУ). Первая из этих групп соответствует высоким положительным значениям по первому фактору («интернациональность») и невысоким — по второму («советскость/российскость»), вторая — высокими положительными значениями по второму и низкими — по первому, третья — высокими отрицательными по первому и высокими положительными — по второму. Эти области на карте являются вполне правдоподобными кандидатами на роль «естественных зон».

В знак лояльности традиции, из которой мы выросли, эти части были названы Вест-Эндом, Норд-Эндом и Ист-Эндом (на рис. 1 ориентация на восток-запад перевернута). Предваряя то, о чем читатель сможет в деталях прочесть в следующих статьях в этом номере, зоны характеризуются:

(1) *различным демографическим профилем и паттернами географической мобильности* — более молодой в Вест-Энде, в значительной степени укомплектованном выпускниками региональных университетов, поступившими в ЕУСПб, более пожилой и мужской в Норд-Энде (отнесенный по другим параметрам к Ист-Энду НИИКСИ в данном случае больше похож на институты Норд-Энда), и Ист-Энд, в населении которого отчетливо выделяются две волны — советских преподавателей и выпускников специализированных факультетов, первые из которых больше похожи на обитателей Севера, а вторые — Запада;

(2) *специфической экономической базой* — Вест-Энд до недавнего времени полностью зависел от «грантовой экономики», Ист-Энд замкнут на доходах от преподавания и администрирования вузов, Норд-Энд наиболее разнообразен, т. к. зависит от финансовых потоков внутри системы РАН, российских грантов и государственных контрактов;

(3) *политической динамикой и неформальной организацией*, связанной с характером экономической базы и формальных институциональных рамок. Так, административная структура Норд-Энда, превращавшая любое распределение средств между организациями или внутри каждой из них в игру с нулевой суммой, неизбежно способствовала расцвету бюрократических интриг. Ориентированный на открытый рынок грантов

Вест-Энд практически не был знаком с подобной конкуренцией. Наконец, Ист-Энд занимал промежуточное положение, черпая средства как из государственного бюджета с его дистрибутивной логикой, так и рынка образовательных услуг;

(4) *методологическими и теоретическими предпочтениями*, как увидит читатель далее в этой статье, организованными не вокруг какой-то научной программы, а вокруг общего предпочтения, отдаваемого в пользу интернациональной (прежде всего, англо-американской) или отечественной науки;

(5) *принадлежностью к культурно-политическим лагерям*, с более политически либеральными Вест- и Норд-Эндом и более консервативным Ист-Эндом.

По разным причинам, однако, мы были не совсем довольны картами, полученными на основании многомерной статистической обработки результатов опроса. Во-первых, каждый из основных методов — факторный анализ, многомерное шкалирование, анализ корреспонденций — хотя и выдавал, в силу разных причин, статистические артефакты (и, в любом случае, полученные при таком количестве переменных, измеренных грубыми ранговыми шкалами, оси неизбежно объясняли лишь сравнительно небольшую долю вариации). Во-вторых, мы хотели получить координаты по осям для как можно большей доли попавших в нашу выборку, но более ли менее надежные основания для этого существовали только для того 251 человека, который до конца заполнил наши анкеты. В-третьих, мы хотели избежать пространственной идентификации на основании только самоотчетов, которые — как мы имели возможность убедиться — не всегда сообщали информацию, согласующуюся с другими данными. Наконец, в-четвертых, Чикагская идеология визуализации предполагала нанесение отметок на карты, на которых фигурировали реально существующие улицы. Карты, в которых пространство между точками было исключительно статистической реконструкцией, выглядело слишком условным, чтобы предлагать сколько-то развернутые интерпретации диффузии идей или практик.

Содержание следующих статей

Статья Марии Сафоновой предлагает альтернативное разрешение проблемы картографии, основанное на сетевом подходе. Здесь карте улиц соответствует схема реальных связей между индивидами, по которым циркулируют информация и ресурсы. Карта реконструировалась на основании данных опроса, однако поскольку опрошенные называли и тех, кто не был охвачен анкетированием, то покрытой оказалась зна-

чительно бóльшая доля выборки, и, кроме того, частичное дублирование информации — связь между А и В мог упомянуть как А, так и В — делало данные более надежными (асимметрия упоминаний являлась самостоятельным предметом анализа). Помимо более надежной карты, работа с сетями принесла интересные выводы о различиях в социальной организации разных частей сообщества, а также предлагала своеобразную сетевую перспективу написания истории сообщества.

Следующая за ней статья Михаила Соколова задается вопросом о силах, придающих сообществу именно такую форму. Сетевая карта представляет основные части сообщества вытянутыми вдоль одной центральной оси. Однако что именно отталкивало разные группы, расположенные вдоль нее, все дальше друг от друга? В статье предлагается еще один способ построения карты сообщества, основанный на объективных данных о том, к каким организациям принадлежали исследуемые, где они публиковались и какие мероприятия они посещали. Результаты такого картирования в целом воспроизводят полученные двумя другими путями, однако имеют очевидное дополнительное достоинство в виде независимости от самоотчетов и того, что координаты могут быть получены для наибольшей доли выборки. Далее в статье сравнивается предсказательная сила разных независимых переменных для определения расположения индивида на карте.

Статья Катерины Губы посвящена статусной системе сообщества. Есть ли в петербургской социологии какое-то подобие единой иерархии признания, или обособленные фрагменты имеют свои собственные авторитеты — и если да, то какие это авторитеты? Катерина также использует объективные данные цитирования — со времен Мертона и Гарфилда, излюбленный способ оценки объемов и направлений профессионального влияния. Статья представляет одну из частей этой работы, посвященную распределению профессионального авторитета внутри сообщества — тому, кто из петербургских социологов получает от разных групп своих коллег наибольшее признание. Иерархии затем сравниваются и делаются некоторые выводы о характере распределения авторитета.

Если участники проекта воздержались от слишком обстоятельной теоретической рефлексии, то методическая рефлексия была постоянной составляющей работы. Намерение сделать исследовательские практики прозрачными — в том числе, для нас самих — заставило нас обратиться к процедуре описания рабочих операций самого проекта, своего рода социологии социологии социологии. Статья Тимура Бочарова представляет этнометодологический анализ того, как участниками проекта делалась [социология науки]. Эта статья, задуманная как разновидность

введения в этнометодологию для ортодоксальных эмпириков, делает исследовательскую кухню проекта максимально открытой для внешнего наблюдателя.

Как можно понять уже из этого перечисления, наша работа над проектом далеко не закончена; многие данные — например, интервью — практически еще не начали использоваться. Впереди еще много интересного.

Общие благодарности

Авторы четырех последующих статей хотели бы поблагодарить, прежде всего, Кирилла Титаева и Льва Шилова, которые участвовали в проекте вместе с нами с самого начала, а также Екатерину Бороздину, Дарью Димке и Екатерину Моисееву, присоединившихся к нам на разных этапах работы. Трезвый взгляд Виктора Вахштайна, Татьяны Зименковой и Андрея Полетаева помогли сделать эти тексты значительно лучше, чем они были бы без их участия, что, разумеется, не возлагает на них никакой ответственность за все недостатки существующих вариантов. Олег Божков, Виктор Воронков, Мария Мацкевич и Николай Скворцов оказали нам неоценимую помощь в получении доступа к полю. Исследование никогда не было не проведено, если бы не добрая воля и заинтересованность всех тех, кто заполнял наши анкеты, отвечал на наши вопросы и предоставлял данные о себе. Оно было бы столь же неосуществимо без финансовой поддержки Центра фундаментальных исследований Государственного университета — Высшей школы экономики.

Литература

Батыгин Г.С. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999.

Батыгин Г.С., Козлова Л.А. Свидерски Э. Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005.

Бурдые П. Поле науки // Socio-Logos'2002. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2002.

Заславская Т. Воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.

Каради В. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 5. С. 12–49.

Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е) / Под ред. В. Костюшева. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Материалы опроса участников III Всероссийского социологического конгресса // http://www.isras.ru/files/File/VSK-report/Opros_itog.pdf, проверено 02.05.2010.

Москвичев Л.Н. Социология и власть. Сборник. Документы: 1953–1968. М.: Academia, 1997.

Москвичев Л.Н. Социология и власть. Сборник. Документы: 1969–1972. М.: Academia, 2001.

Погорелов Ф.А., Соколов М.М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 76–92.

Преподаватели социологии Санкт-Петербурга 2001 / Сост.: А.О. Бороноев, М.П. Готов. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001.

Райкова Д.Н. Социобиблиометрический анализ журнала «Социологические исследования» // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 74–81.

Социологи Петербурга и Северо-Запада: Кто есть кто / Сост.: М.А. Ильина, Н.П. Кравец, М.М. Соколов. СПб.: Алетейя, 2003.

Социология в России / Под ред. В. Ядова. Москва: Издательство Института социологии РАН, 1998.

Фирсов Б. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Алетейя, 2001.

“Vivat, Ядов!” / Под ред. М.Н. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2009.

Abbott A. Linked Ecologies: States and Universities as Environments for Professions // Sociological Theory. 2001a. Vol. 23 (3). Pp. 245–274.

Abbott A. The Chaos of Disciplines. Chicago and London: University of Chicago Press, 2001b.

Adams J., Clemens E., Orloff A. Social Theory, Modernity, and Three Waves of Historical Sociology // Russell Sage Foundation. 2003. Working paper No. 206.

Becher T. Academic Tribes and Territories. Academic Inquiry and the Culture of Discipline. Open University Press, 2001.

Becker H. Art Worlds. University of California Press, 1982.

Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Prentice Hall Englewood Cliffs, N.J., 1971.

Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, UK: Polity Press, 1988.

Brown R. A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences. Cambridge: Cambridge University, 1977.

Gans H. Levittowners. N.Y.:Pantheon Books, 1967.

Gross A. The Rhetoric of Science. Cambridge, MA & London: Harvard University Press, 1990.

Gross A. et. al. Argument and 17th-century Science: A Rhetorical Analysis with Sociological Implications // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30 (3). Pp. 371–396.

Goodwin C. The Blackness of Black: Color Categories as Situated Practice // Restrckin, Lauren et. al. (eds.) Discourse Tools and Reasoning: Essays on Situated Cognition. 1997. Springer. Pp. 11–140.

Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14. Pp. 99–123.

Hagstrom W. The Scientific Community. New York: Basic Books, 1965.

Lamont M. How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93 (3). Pp. 584–622.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. London and Beverley Hills: Sage, 1979.

- Lynch M.* Technical Work and Critical Inquiry: Investigation in a Scientific Laboratory // *Social Studies of Science*. 1982. Vol. 12 (4). Pp. 499–533.
- Lynch M.* Scientific Practice and Ordinary Action. *Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge University Press, 1995.
- Lynd R., Lynd H.* Middletown: A Study in Modern American Culture. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1929.
- McLean P., Padgett J.* Was Florence a Perfectly Competitive Market? Transactional Evidence From the Renaissance // *Theory and Society*. 1997. Vol. 26 (2/3). Pp. 209–244.
- Merton R.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Mullins N.* Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology. New York: Harper and Row, 1977.
- Padgett J., Ansell R.* Robust Action and the Rise of Medici, 1400–1434 // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98 (6). Pp. 1259–1319.
- Padgett J., McLean Paul D.* Organizational Invention and Elite Transformation: The Birth of Partnership Systems in Renaissance Florence // *American Journal of Sociology*. 2006. Vol. 111 (5). Pp. 1463–1568.
- Polsky N.* Hustlers, Beats and Others. Chicago: Aldine, 1967.
- Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the Air Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Shlapentokh V.* The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder and London: Westview press, 1987.
- Starr P.* The Social Transformation of American Medicine. Basic Books, 1982.
- Warner W.L.* Yankee-City. New Haven and London: Yale University Press, 1963.
- Wienberg E.* Sociology in the Soviet Union and Beyond. *Social Inquiry and Social Change*. Ashgate, 2004.
- Wirth L.* The Ghetto. London: Phoenix Books, 1928.
- Wirth L.* Human Ecology // *American Journal of Sociology*. 1945. Vol. 50 (6). Pp. 483–489.
- Whitley R.* The Intellectual and Social Organization of the Sciences. Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press, 1985.
- Whyte W. Foote.* Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum. Chicago: University of Chicago Press, 1993 (1943).
- Zemtsov I.* Soviet Sociology: A Study of Lost Illusions in Russia under Soviet Control of Society. Fairfax: Hero Books, 1985.
- Zorbaugh H.* The Gold Coast and the Slum. A Sociological Study of Chicago's Near North Side. Chicago: University of Chicago Press, 1929.